

ТАТЬЯНА ПАНОВА

НАШЁЛ – НЕ РАДУЙСЯ, ПОТЕРЯЛ – НЕ ПЛАЧЬ

В конце смены, прибирая рабочее место, мастер женского зала Анна Фомина обнаружила на одной из полочек туалетного столика кошелёк. Симпатичный такой, коричневый кожаный хранитель жизненно важных ценных бумаг. Немедленно был собран на совет весь коллектив, все четыре работницы парикмахерской при городской бане. Анна держала кошелёк и недоумённо

пожимала плечами. Мастер мужского зала, тридцатилетняя миловидная полненькая Люся Крутова взяла находку из рук Анны, покрутила, распахнула молнию, заглянула внутрь, достала красные десятки:

– Ну, ни фига себе, двести рублей, – произнесла она, пересчитав деньги. – Небедная дамочка оставила.

– Уже девять часов вечера, а хозяйка до сих пор не заметила пропажу и не пришла, – развела руками тётя Маша, кассир-техничка, женщина предпенсионного возраста.

– Давайте вспоминать всех сегодняшних клиентов, – предложила второй мастер женского зала, Леночка Григорьева, очаровательная модница и кокетка.

Двадцатипятилетняя Анна была на пару лет моложе своей коллеги. Высокая, ширококостная, она рядом с миниатюрной Леночкой выглядела слегка «бегемотисто», но, следуя теории «каждый человек красив по-своему», обе девушки были очень симпатичны.

Находку положили в небольшой старинный металлический ящичек – прародитель сейфа. Он чинно-важно стоял на столе, в углу подсобного помещения, соединяющего мужской и женский залы, рядом с чистыми салфетками и пеньюарами. В нём тётя Маша хранила мелочь для сдачи. В течение смены, если она была занята другими делами, мастера сами могли рассчитать клиентов – доверие в коллективе было полное, за время работы не пропала ни одна копейка, до момента, пока в коллектив не пришла наглая и нечистая на руку девица вторым мастером в мужской зал. Но это совсем другая история.

Хозяйка кошелька не объявилась ни на другие сутки, ни через два дня, ни через неделю. Наличие чужих денег не давало покоя женщинам.

– Это же почти две зарплаты рядового инженера! – всплеснула натруженными руками тётя Маша. – Мне за такие деньги надо работать два месяца и десять дней. А она, хозяйка денег, не показывается.

– Ну не помнит, где оставила, – резюмировала Люся.

– А давайте ещё раз внимательно осмотрим кошелёк, – предложила Леночка.

Анна, заглянув во все отделы, извлекла из одного, совсем почти незаметного кармашка небольшую бумажку, на которой было написано «Нана».

– Ну, теперь понятно! – воскликнула Люся. – Кошелёк оставила одна из студенток-армянок, обучающихся в нашем меде.

Рядом с баней, в которой находилась парикмахерская, в старинном кирпичном здании располагалось медицинское училище, и соседствовало с ним добротное двухэтажное деревянное общежитие для студентов этого же учебного заведения. С некоторых пор в училище стали обучаться девушки-армянки: дочери, племянницы и прочие родственницы работающих по найму строителей-шабашников. С одной из таких студенток – черноглазой, смуглой, хорошо одетой, разговорилась словоохотливая тётя Маша, когда та пришла на стрижку. Выяснилось, что обучение в Армении стоит приличных денег, а в Сибири оно качественное и бесплатное, да и проживание в общежитии – сущие копейки.

– Наша, русская девушка, уже бы весь город перевернула в поисках пропажи, а эта даже не поинтересовалась, не зашла ни разу, – волновалась сердобольная тётя Маша.

– Ну, а чего ей переживать, той студентке, папа ещё денег подкинет! – в голосе Люси послышалась неприкрытая зависть. – Мы с мужем только в день получки видим такие деньги, а тут... в парикмахерскую на стрижку за рубль шестьдесят копеек идти с немалой суммой!

– К нам родственники с Севера приезжают каждое лето. Один раз вытащили у них в автобусе триста рублей с кошельком, так они посмеялись, говорят: «Денег как грязи». Им хоть бы хны, а я не спала две ночи, переживала. – Анна уже не впервой рассказывала эту историю.

– Ну, хоть бы нам в той денежной грязи искупаться, – засмеялась Люся, – а то у нас не грязь, а так, мелкие мутные лужицы.

Ещё несколько смен лежал кошелёк в ожидании своей хозяйки. Вольно или невольно, но разговоры в эти дни в парикмахерской сводились к находкам и потерям.

Мария Фёдоровна, она же кассир тётя Маша, рассказала историю своей давней подруги. Как-то зимним холодным днём пошла та подруга по делам в центр города. А накануне поставил ей дантист съёмный мост. К новым зубам женщина не могла привыкнуть и, чувствуя дискомфорт во рту, вынула помеху и положила в карман шубы, завернув в носовой платок. Благополучно забыв про содержимое платка, вскоре достала его и потёрла замёрзшие щёки, не заметив, как зубной мост выпал на снег. Придя домой, занервничала, обнаружив пропажу. Собралась идти на поиски, но перед выходом из дома решила поворожить на картах. Нет, гадалкой она не была, но ещё в юности видела, как это делала дальняя родственница. Ворожить так и не научилась, но пару позиций: десятка пик – нечаянный интерес и валет пик – пустые хлопоты – знала наверняка. Именно эти две карты ей выпали одновременно, чему она была удивлена. Тщательно обследовав весь путь, зубной мост она не нашла, зато обнаружила на дороге припорошённую снегом красивую золотую серёжку. Вот так и пришла домой недоумевающая женщина – не обрадованная неожиданной находкой и, вопреки поговорке «потерял – не плачь», огорчённая. Представила, как ей опять мытариться за новым зубным мостом.

– А подруга моя та ещё юмористка, – закончила рассказ тётя Маша. – Я прихожу к ней, а она одинокую серёжку нацепила в ухо и улыбается в зеркало беззубым ртом. И смех, и грех.

В одну из вечерних смен, когда был обслужен последний клиент, дружный коллектив принял решение деньги поделить. На каждого брата, а вернее сестру, вышло по пятьдесят рублей. Никогда ранее Анна не находила что-то ценнее мелких монет на дороге, да и те никогда не поднимала, это было строго-настроено запрещено бабушкой,

которая помогала родителям растить девочку Аню. Её терзали смутные сомнения, претитила сама мысль, что она воспользуется чужими деньгами, но спорить с большинством, а уж тем более с Люсей не хотелось.

– Куплю себе новое платье, – Леночка посмотрела на себя в зеркало, поправляя рыжие локоны.

– А я потрачу на внуков, – тётя Маша уже предвкушала, что сходит в «Детский мир» с Лёлеком и Болеком, так она называла восьмилетних близнецов Лёшу и Борю, сыновей старшей дочери. – Куплю им игрушки, какие захотят, а то с моей зарплатой нет возможности побаловать ребятшек.

– Ну, а мы с тобой, Анька, посетим «Сувениры». Мне сорока на хвосте принесла, что завтра в этот магазин выкинут посуду. – Люся произнесла это тоном, не терпящим возражений. Анна не стала противиться, доверяя старшей домовитой коллеге.

Происходила эта история в то время, когда в стране существовал и главенствовал его величество дефицит. Продукты питания: мясо, колбасу, гречку, тушёнку, сгущёнку и многое другое – купить было нелегко. Всё в то время «доставали», а не просто покупали в магазинах, практически невозможно было «неблатным» советским гражданам купить хорошую одежду и обувь. В дефиците была мебель и многое из бытовой техники, что было необходимо для жизни.

Люся Крутова и Анна Фомина подружилась, когда Анна пришла в парикмахерскую после окончания училища, и жили они неподалёку друг от друга, в одном районе. Пробивная Люся, имеющая связи во многих магазинах, взяла негласное шефство над молодой и стеснительной приятельницей. Следуя домой после смены, они заходили, например, в «Гастроном», где у Люси всё было «схвачено», и выходили с сумками продуктов. Люся несла много, Анне перепадало меньше, но она и этому очень радовалась – уже год как она была замужем, и забота, чем кормить мужа Василия, одолевала её.

Если в парикмахерской выпадала первая смена, то в шестнадцать часов Люся

заходила в центральный детский сад забирать своих дочек – погодков Машу и Дашу. Шли все вместе с Анной на автобус. Пузатые ПАЗики, переполненные пассажирами, подходили к остановке, мало кто выходил, зато входили, толкая друг друга, почти все, кто ожидал общественный транспорт. Пару раз скромная Анна, пропуская людей в салон, оставалась ждать другого автобуса. Люся и тут взяла шефство над высокорослой неуклюжей Анькой. В переднюю дверь, бранясь с другими пассажирами, Люся вталкивала подругу, детей, протискивалась сама с двумя сумками и при этом умудрялась сесть с девчонками на лучшие места. Как это у неё получалось, Анна не понимала.

На работе с клиентами Люся была строга, особо не миндальничала. Накрывая пеньюаром присевшего обслуживаться мужчину или мальчика, она тыкала его пальцем в спину так, что он принимал нужное для стрижки положение. Клиенты её побаивались, но никогда не спорили. Люся хоть и работала мужским мастером, но корочки парикмахера-универсала служили во благо, и она с удовольствием обслуживала женщин – «нужных» клиенток: продавцов, товароведов. Одна из таких дам шепнула Люсе, что в магазине «Сувениры» будут продавать дефицитную посуду. Это известие как раз пришлось на тот вечер, когда коллектив парикмахерской разделил денежную находку.

Магазин «Сувениры» располагался в центре города, в одноэтажном кирпичном здании с высокими окнами. Горожане любили эту наполненную всевозможными товарами, соответствующими названию, торговую точку. Особенно в канун Нового года. Среди основного ассортимента: часов настенных и настольных; стеклянных, фарфоровых и прочих всевозможных статуэток; духов и косметики; пластмассовых кукол и чайно-столовой посуды – с ноября в магазине стояла ёлка и продавались всевозможные ёлочные игрушки и украшения. Пахло праздником, Новым годом. Сюда с удовольствием заходили покупатели выбирать

подарки и подзарядиться настроением. И хоть события нашей истории происходили летом, про Новый год невозможно не упомянуть.

На следующий день после делёжки «хлявных» денег Люся и Анна пришли к магазину в девять часов утра. Вскоре вокруг собралась толпа. Народ всё подходил, пытался занять и отрегулировать очередь. В десять часов клацнул замок внутри магазина, и толпа хлынула в открывшуюся дверь. Проворная Люся, расталкивая всех локтями и таща за руку растерявшуюся Анну, быстро пробралась в глубь магазина, и вскоре обе они уже стояли перед прилавком напротив двух очаровательных продавщиц с одним именем Оля. Вернее, они были тётками. Работали Оли в этом магазине давно, слыли уважаемыми людьми. Впрочем, работники сферы обслуживания, к коим относились наши парикмахеры, тоже считались не последними лицами в провинциальном городе.

– Ну, Олечка, – ласково обратилась Люся к одной из продавщиц, намётанным глазом увидев на витрине приличную стопку посуды. – Мне, пожалуйста, вот этот сервиз.

– Столовых сервизов в продаже только два, – громко сказала Оля, чтобы её услышали другие покупатели.

Столовый сервиз, да ещё и с супницей, это была Аннушкина мечта! Но денег у неё было только пятьдесят рублей, которые достались от забывчивой клиентки. А сервиз стоил восемьдесят. Эх, если бы ещё тридцатку!

Анна была замужем за любимым человеком. Сказать, что она жила счастливо в браке, было бы не совсем правдой. Красавец Василий Фомин до женитьбы на молоденькой Ане слыл неуёмным бабником, да к тому же выпивающим. Анна, очарованная красотой избранника, зачумлённая словами о вечной любви, наивно полагала, что эта самая взаимная любовь поможет избавиться от Васиных пороков, с которыми молодая жена никак не могла смириться. Жизнь с Васей была как качели: неделя безмерного счастья, когда муж был ласков,

а после – неделя, когда его всё раздражало, он находил повод придраться к жене и под любым предлогом сбежать из дома. Где был и что делал вернувшийся муж, оставалось тайной. Это изматывало молодую женщину. Она нервничала и переживала оттого, что становится истеричкой в ожидании «блудного» мужа, вина во всём только себя. А Вася, тот ещё манипулятор и семейный тиран, пользовался добротой жены. Деньгами не баловал: «Зарабатывай сама». Она же изо всех сил старалась угодить любимому мужу.

Денег у Анны хватило на чайный набор из восемнадцати предметов – шесть чашек с блюдами и столько же десертных тарелок. Набор был вполне себе симпатичен, на чашках плелись цветочные узоры, созвучные с рисунком на тарелках, по краям всех предметов – позолоченная каёмочка.

Люсин сервиз продавец Оля пересмотрела на предмет брака и аккуратно сложила в коробку, в которой тот находился изначально. Набор Аннушкиной посуды стоял неупакованным, и она, оплатив покупку, стала складывать его в пакет. Сильно и тесно подпёртая к прилавку нетерпеливой толпой, Анна не сразу поняла, что шум падающей и разбивающейся посуды происходит не где-то рядом, а у самых её ног.

Толпа гудела. От входной двери переполненного магазина раздался весёлый мужской голос: «Эх! Как радуются люди, тут же бьют на счастье!»

Когда Анна осознала, что это её покупка исчезает с треском под прилавком, как в озоновую дыру, её кинуло в жар. Потом в холод. Она перестала класть посуду, с трудом в тесноте нащупав, что прочный, казалось бы, полиэтиленовый пакет разошёлся по нижнему шву. Толпа слегка отступила от прилавка, всем хотелось взглянуть на происходящее.

– Аааа, – тихо заскулила Анна. – Дайте мне другую посуду взамен! – неожиданно для себя самой пропищала она.

Когда одна из Оль произнесла: «Вы будете бить посуду, а мы вам взамен другую?»,

расстроенная Анна поняла абсурдность своей просьбы.

Посетители магазина шумно обсуждали происходящее: кто-то смеялся, кто-то жалел незадачливую покупательницу. У Анны пылали щёки, кружилась голова, она с трудом сдерживала слёзы, ей хотелось поскорее уйти из магазина, где она пережила позор и нелепую потерю. Когда женщины вышли на улицу, Анна заплакала.

– Ну! Да брось ты, не реви! В конце концов, как пришло, так и ушло.

При последних словах Анна невольно глянула на коробку в Люсиных руках, и слёзы потекли ещё сильнее.

– Ну, пойдём ко мне, пообедаем. Отказа не принимаю, – произнесла Люся приказным тоном, да, собственно, Анна и не возражала, идти домой ей сейчас совсем не хотелось.

Вскоре они уже тряслись в городском автобусе. Люся важно держала коробку на коленях, Анна, шмыгая распухшим носом, старалась не думать о новом пакете, в котором лежали жалкие остатки купленной посуды: две десертные тарелки, чашка и три блюда.

Люсина трёхкомнатная квартира сияла стерильной чистотой. Этой чистоты она добивалась, не только «гуляя» тряпкой по мебели, уничтожая ненавистную пыль, но и дисциплиной в семье. Подрастающие дочки были приучены к порядку чуть ли не с самого рождения, маме достаточно было взгляда, чтобы малышки кидались поправлять сбившийся на диване плед или мыть чашку, стоящую в раковине. Муж Гриша получал «по первое число» за разбросанные вещи. Люсиного строгого «ну!» боялась даже кошка, которая при виде хозяйки забивалась в дальний угол.

– Ну, мясо будет лежать на столе, Матильда никогда его не тронет, – говорила Люся, когда на работе заводили разговор о домашних животных.

Аннин же сиамский кот Барон был в их с Васей доме полноправным хозяином – смело гулял по столам, на окрики хозяйки нагло смотрел косыми глазами. А уж про аппетит

домашнего любимца и говорить не стоило, он был неуёмн: на столе невозможно было оставить что-то рыбно-мясное ни на минуту – еда исчезала вместе с котом со скоростью звука, и только громкое урчание из недоступного угла напоминало о пропаже.

То, что в разговоре Люся использует «ну», Анна заметила не сразу, только тогда, когда они однажды поссорились. Люся, узнав, что Анну поставили вместе со всеми другими работницами парикмахерской в очередь на дефицитную стиральную машинку «Малютка», злобно закричала: «Ну! Какая тебе машинка? У тебя же есть “Сибирь”!» – «Но мы с Васей живём вдвоём, и у меня порой бывает немного грязного белья, в «Сибирь» четыре ведра воды надо нагреть, ты же знаешь удобства частного дома, колонка далеко, а Вася тот ещё помощник, не разгонится лишней раз угодить. Я мечтаю родить ребёнка, а “Малютка” для стирки детских вещичек – незаменимая вещь», – оправдываясь, мямлила Аня. Как легко Люся готова была выкинуть подругу из общей очереди, лишь бы у неё увеличились шансы на выигрыш! Это самое «ну!» особо резануло ухо удивлённой таким «проявлением» дружбы подруги. Несколько дней они не разговаривали, что было очень тяжело для добродушной Анны, но обида и недоумение не давали заговорить первой. Люся, понимая, что перегнула палку, не выдержала размолвки, спросила шуточно Анну на остановке, когда ехали со смены домой: «Девушка! Вам тоже на этот автобус?» Это прозвучало как извинение от не умеющей просить прощения Люси. Обе были рады вновь воцарившемуся миру.

Анна восхищалась умением Люси хорошо готовить. В её ловких руках любое, самое простое блюдо превращалось в кулинарный шедевр. Подруга любила Люсины «вкусняшки», когда обедали на работе, записывала и запоминала рецепты.

Прошли на кухню. Люся извлекла из большого белоснежного холодильника огурец, томат, лук, быстро и ловко крошила в салатницу. Анна сидела за столом у окна,

глядя, как хлопочет Люся. Сегодня она даже и не предлагала свою помощь, Люся была очень придирчива, не раз делала Анне замечания, касающиеся приготовления еды или сервировки стола: «Не так режешь, не так кладёшь», та не обижалась, впитывала, как губка, секреты кулинарного мастерства.

Анна пошла умыться. В ванной, совмещённой с санузлом, всё сверкало белизной. Даже страшно было брать в руки чистейшее накрахмаленное полотенце – «вдруг замараю». Проходя мимо зала, в арочном проёме увидела «стенку», за стеклянной дверцей которой стоял хрусталь. В глаза бросилась знакомая вазочка оригинальной ромбовидной формы. Эту вазу в один из походов в хозяйственный магазин купила Анна. У Люси загорелись глаза, когда она увидела красивую вещь, стала уговаривать подругу продать ей. Анне было жаль расставаться с чудесной штучкой, но отказать Люсе не могла. «А я не стала бы просить, даже если бы мне очень хотелось это иметь», – подумала тогда Анна, удивившись Люсиной бесцеремонности.

Новому сервизу предстояло занять место на одной из полок «стенки». А он был хорош! Супница, салатники и соусница необычной прямоугольной формы. Нежно-сиреневые цветы украшали все предметы.

Глаза Анны опять наполнились слезами.

– Ну! Какие твои годы, купишь себе ещё лучше посуду! – успокаивала Люся Анну, наливая в рюмочки холодную водку. На газе в идеально вычищенной сковородке грелась тушёная капуста с мясом. В кастрюле варились домашние пельмени.

Анна не любила водку, предпочитая в праздник выпить немного полусладкого вина или шампанского, но сегодня противиться крепкому напитку не стала.

Выпили. Закусывая бутербродом, Анна заговорила, шмыгая красным носом:

– Я не от зависти плачу. Я рада, что у тебя теперь сервиз есть. Плачу от того, что неудачница такая – мужа хорошо не смогла себе выбрать, посуду и ту расхлестала. А знаешь, Люся, как я хочу

домой приходиться, не переживая о том, где мой муженёк опять зависает. Хочу уют дома создать, а порой руки не лежат ни к чему, когда ожидаешь блудного мужа. А он придёт и надо мной куражится, будто это я дома не ночевала. Разве я для страданий замуж за любимого человека выходила? А деньги эти, я так и знала, не принесут мне счастья и радости. Нас же так всю жизнь воспитывали: чужое нельзя брать. Бабушка моя говорила: «Нашёл – не радуйся, потерял – не плачь».

– Ну! Муж и посуда? Что ты свалила в одну кучу? «Деньги счастья не принесут», – передразнила Люся Аню. – А что, мы должны были их выбросить? И вообще, смелее надо быть, настойчивее. Кому в жизни везёт? Тем, кто боевой, даже наглый! Муж плохой, обижает? Уходи! Я бы такого терпеть не стала!

– Я люблю его. И наглой не хочу быть! Я, когда кому что-то резкое скажу, так потом спать не могу, переживаю. А уж по головам ходить...

– Ну! Вот и получаешь за свою мягкотелость, – констатировала Люся, вновь наполнив рюмашки. – Ростом выдубила, а сама как ребёнок.

Хлопнула входная дверь, это на обед пришёл Гриша, Люсин муж.

– О чём, девчонки, пьянка? – весело спросил Гриша, помыв руки и садясь за стол.

– Ну! Обмываем наш новый сервиз, – отчеканила Люся, накладывая мужу горячие пельмени. – Ты вот даже не заметил мою новую попку. Привык, что всё жена хлопчет. Рюмку будешь?

– Нет, мне же на работу, – Гриша улыбался, не обращая внимания на колкости жены.

– Ну, ешь и иди на свою работу, – строго сказала Люся.

Анна Гришу уважала. Он был добрым человеком, готовым всегда прийти на помощь. Никогда она не слышала, чтобы он сказал хоть одно грубое слово своей жене. Зато та порой не скрывала, как он её

раздражает. Дочки маму слегка побаивались, зато папу обожали.

По дороге домой Анна переживала, что зря она не настояла на поисках хозяйки кошелька. Думала о Люсе – ещё совсем недавно она завидовала тому, что подруга отличная хозяйка, мама, жена. Только вот быть такой, как Люся, Анне совсем не хотелось. Чувство зависти проходило по мере того, как она видела отношение Люси к жизни. Какие же они с Анной, оказывается, разные люди и какое несхожее понятие у них о счастье, о любви, о дружбе.

– Где была? Пьяная припёрлась, – зло встретил Василий Фомин жену.

– Только тебе можно напиваться или совсем домой не приходиться? – осмелела под воздействием алкоголя Анна.

В этот момент муж плеснул в неё малиновый морс, который пил из большого бокала. Ошметки ягод попали на волосы, сладкая жидкость потекла по лицу.

– Стерплю и эту каплю. Как хорошо, что я сейчас не совсем трезвая и не хочу обращать внимания на твои выходки, – язык Анны заплетался, но вот сознание работало яснее и быстрее, чем речь.

Анне вдруг вспомнилось, как совсем недавно, когда они сидели на этой самой кухне, где сейчас лютовал Василий, а она смывала с себя малину, супруги беседовали тихо-мирно за чаем. Анна даже не поняла, в какой момент вектор спокойного разговора сменил направление и Вася, схватив её за горло, начал душировать. Всё произошло в считанные секунды и, когда Анна, недоумевая, держась за шею, спросила у мужа, отпустившего её: «Что это было?», Василий невозмутимо ответил: «Хотел тебя успокоить».

– Успокоить? Совсем? Насмерть? – Анна так и не могла понять причину и следствие его поступка, но внутри щёлкнуло: так жить нельзя!

На следующее после неудачной покупки утро, на работе, опухшая от слёз, в затемнённых очках, скрывающих свежий синяк, Анна рассказывала Люсе о том, как встретил её муж.

– Василёк мой оставшуюся купленную посуду разбил. Молоточком, методично так раздолбил. А я смотрела на него, тряслась от страха и думала, что не чашки он бьёт, а жизнь мою на кусочки расколачивает. Прозрела будто, зачем терплю унижения? Разве такой семейная жизнь должна быть? Ушла от него и не вернусь больше. Только вот придётся уехать: зная Васин характер, понимаю, что не даст он мне покоя. Хочу уволиться и перебраться к родственникам в другой город, там для меня даже есть работа в салоне. Как думаешь, Люся, уволят меня без отработки?

Можно верить и не верить пословицам и поговоркам, но через какое-то время в Люсиной «стенке» рухнула полка, когда они с Гришей делали очередной косметический ремонт.

Анна уехала. Некоторое время тосковала по родному городу, по бывшему мужу, по коллективу, в котором работали дружно и весело. А потом всё наладилось, привыкла к новой жизни. Поклонники имеются, главное – не спешить с выбором. С Люсей они переписываются. С грустью и смехом вспоминает Аннушка историю о чужих деньгах. Сколько ещё курьёзов подкинет судьба?! А жизнь продолжается. Главное – не потерять себя в этой суматохе и найти его – своё счастье.